роде как к живому, сочувствующему человеку, как к доброй или несчастной матери. Исследователь показывает, что природа у романтиков выступает и как вместилище таинственного, недоброго начала, и как предмет высоких патриотических чувств, и как предмет вообще различных личных переживаний. Вопрос, конечно, этим не исчерпывается. Обращение и к таким жанрам, как романтическая поэма, трагедия, а также выход в сферы «идеальной поэзии» вообще показали бы, что антропоморфизированная природа в нереалистической поэзии выступает прежде всего как «пространство», «типичные обстоятельства» для действий идеально-романтических героев, а это уже связано не только с мировоззрением, но и с особенностями романтического метода.

Исследование типологии романтизма предполагает постановку вопросов не только жизненного источника, содержания романтического искусства, но и его художественной формы, вопросов жанровой и языковой структуры. Эти вопросы также находят свое место в «Европейском романтизме». Так, в статье А. Елистратовой рассматривается эпистолярная проза английских и русских романтиков, что позволяет с новой стороны раскрыть и внутренний, психологический мир романтиков, и новаторские особенности этого жанра, его влияние на развитие европейской прозы XIX в. Немало интересного и нового выявляет Е. Пульхритудова, исследуя очерково-нравоописательную и символико-философскую поэму русских романтиков — Лермонтова, Кюхельбекера, Полежаева, при этом обращаясь к удачным сопоставлениям с соответствующими жанрами в английской (Байрон, Шелли) и польской (Словацкий) литературе. Представляет большой интерес статья Е. Сапрыкиной о теории итальянской романтической драмы, в которой осмысливаются взгляды С. Пеллико, Э. Висконти, А. Мандзони. В этой типологической плоскости автор делает экскурс в «прошлое» — привлекает суждения предшественников итальянских романтиков — В. Альфьери, У. Фосколо; отмечает факты влияния их теории драмы на Стендаля; сопоставляет их взгляды с взглядами русских романтиков-декабристов.

Вопрос о романтическом «языке», стиле естественно ставить на материале оригинала, а не перевода. Естественно и то, что Л. Галди обращается к типологическим свойствам романтического стиля в рамках одной языковой системы — романской, когда он оперирует примерами из лирики Ламартина, Виньи, Гюго, Мюссе, Эспронседы, Мандзони, Леопарди и других французских, испанских, итальянских романтиков. При этом Л. Галди исходит из того, что художественный стиль предполагает три «уровня» — стилистический синтаксис, лексикологию и фонетику. Привлекая разнообразные поэтические тексты, он описывает в определенной системе типичные для романтического стиля черты выразительности. Не во всем можно согласиться с автором, особенно когда речь идет о «фонетическом уровне», но в целом статья, несомненно, вписывается в «Европейский романтизм» как необходимый и существенный компонент.

Третий раздел книги составляют две статьи — «Романтическая поэзия в ее соотношении с живописью» К. Пигарева и «Литература романтизма и музыка» И. Бэлзы. Этими работами, отличающимися глубиной мыслей, разнообразием и тонкостью наблюдений, еще раз подтверждается тот факт, что романтизм не есть только литературное явление, что он представляет собой более широкое явление — «тип художественной культуры», охватывающий все искусства XIX в., и что с точки зрения типологии европейского литературного романтизма представляют огромный интерес те связи и взаимовлияния, которыми характеризуются отношения между романтической литературой и романтической живописью, музыкой XIX в.

Таким образом, «Европейский романтизм» включает в себя довольно обширный круг проблем истории, теории романтического направления. В целом перед нами значительный, интересный, оригинальный труд о типологии европейского романтизма XIX в.

А. А. Гаджиев

Г. А. Бялый.
Русский реализм конца XIX века.
Л., изд. ЛГУ, 1973

Профессор Ленинградского университета Г. А. Бялый широко известен своими монографическими работами о Тургеневе, Гаршине, Короленко, Чехове. В каждой из них автор дает искусно нарисованную, целостную картину творчества писателя, многосторонне освещая его место в литературно-общественной борьбе эпохи. Новая книга Г. А. Бялого «Русский реализм XIX века» — иная по типу: она объединяет восемь небольших этюдов, где главным для автора каждый раз было не столько дать законченный ответ на выдвинутые к тому времени наукой вопросы, сколько поставить новые для нее проблемы, требующие дальнейшей разработки. И хотя отдельные статьи, вошедшие в книгу Г. А. Бялого, появились много лет назад, а намеченная в них новая, необычная для времени их появле-